

Юрасов Игорь Алексеевич

д-р социол. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)» (Пензенский филиал), Пенза, Российская Федерация

e-mail: jurassow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4884-6422

Танина Мария Алексеевна

канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)» (Пензенский филиал), Пенза, Российская Федерация

e-mail: margo10@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7311-6280

Юдина Вера Александровна

канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

e-mail: vayudina@fa.ru

ORCID: 0000-0001-9835-9430

Кузнецова Елена Викторовна

канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

e-mail: elena_myskina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6863-1066

Igor A. Yurasov

Cand. Sci. (Econ.), Financial University (Penza branch), Penza, Russia

e-mail: jurassow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4884-6422

Maria A. Tanina

Cand. Sci. (Econ.), Financial University (Penza branch), Penza, Russia

e-mail: margo10@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7311-6280

Vera A. Yudina

Cand. Sci. (Econ.), Financial University (Penza branch), Penza, Russia

e-mail: vayudina@fa.ru

ORCID: 0000-0001-9835-9430

Elena V. Kuznetsova

Cand. Sci. (Econ.), Financial University (Penza branch), Penza, Russia

e-mail: elena_myskina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6863-1066

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕНЕВОГО РЫНКА УСЛУГ В РОССИИ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Многие эксперты высказывали точку зрения о пагубном влиянии на экономику мировой пандемии COVID-19. Не оспаривая эту популярную в российских и зарубежных средствах массовой информации позицию, авторы провели в 2020 и 2021 гг. исследования теневого рынка услуг в 19 регионах России и пришли к выводу о крайне незначительном негативном влиянии мировой пандемии на этот рынок. Большинство респондентов-теневики не отметили ни существенного снижения из-за пандемии уровня дохода, ни смены профессиональной занятости, ни существенного изменения уровня конкуренции. Причинами этого положения дел стали: высокая социальная мобильность и социальная активность; более высокая адаптивность теневого рынка к любым кризисам и переменам, чем в официальных секторах экономики; высокий уровень доверия между субъектами и потребителями услуг этого сектора экономики; высокая скорость реакции этого рынка на потребности клиентов.

Ключевые слова: теневой рынок, уровень конкуренции, парадоксы Портеза, самозанятость, адаптивность, доверие, социальная мобильность, ковидная эпоха, постковидная эпоха

Для цитирования: Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Состояние и тенденции развития теневого рынка услуг в эпоху пандемии COVID-19 в России // Вестник университета. 2021. № 8. С. 97–106.

THE STATE AND DEVELOPMENT TRENDS OF THE INFORMAL SERVICES MARKET IN THE RUSSIA IN THE ERA OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. Many experts expressed their point of view about the harmful impact of the global COVID-19 pandemic on the economy. Without disputing this position, which is popular in Russian and foreign media, the authors have been conducted research on the shadow market of services in 19 regions of Russia in 2020 and 2021, and have been concluded that the global pandemic has an extremely insignificant negative impact on the shadow market of services in Russia. The majority of shadow respondents did not note a significant decrease in the level of income due to the pandemic, nor a change in professional employment, nor a significant change in the level of competition. The reasons for this state of affairs became: high social mobility, social activity, high adaptability of the shadow market to any crises and changes than in the official sectors of the economy, a high level of trust between subjects and consumers of services in this sector of the economy, a high speed of reaction of this market to the needs of customers.

Keywords: informal market, level of competition, paradoxes of Portes, self-employment, adaptability, trust, social mobility, COVID era, post-COVID era

For citation: Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. (2021) The state and development trends of the informal services market in the Russia in the era of the COVID-19 pandemic. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 97–106. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-8-97-106

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00310.

Acknowledgments. The reported study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00310.

© Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Теневой рынок услуг, особенно на рынке физического труда является наиболее распространенным на рынке труда всех стран от высокоразвитых до развивающихся. Анализируя весь массив теорий в области теневой самозанятости, авторы настоящего исследования пришли к выводу, что при анализе условий труда, образа жизни, профессиональных и кадровых стратегий самозанятых необходимо объединять понятия «неформальная» и «теневая экономика» и рассматривать их как синонимы. Феномен этого сектора экономики заключается в скрытом для государственного статистического учета характере производства, но открытом для всех жителей России рынка товаров и услуг, информация о котором распространяется как по открытым, так и закрытым каналам. Когда говорится о труде самозанятых в неформальном секторе экономики, имеется ввиду производство товаров и услуг, оплата которых выполняется либо наличными средствами, либо переводом с одной банковской карты на другую, со счета мобильного телефона на счет другого телефона, минуя фазы официальных юридических договоренностей, без оформления трудовых отношений, без подготовки и без подписания акта приемки-сдачи работ [16].

Теневая самозанятость рождает новую социальную тенденцию на мировом рынке труда, а именно прекаризацию, которая является новой формой эксплуатации без постоянного, защищенного юридически трудового контракта. Все формы договоренностей носят устный характер и могут изменяться в любое время в худшую сторону. Для самозанятых на мировом рынке труда свойственна постоянно развивающаяся прекаризация.

Неоднократно предпринимались попытки изучить сферу занятости, образ жизни самозанятого прекариата в Российской Федерации (далее – РФ) [1; 2; 4; 6; 8; 12]. Но в сферу интересов социологов, экономистов во всем мире вошел вопрос, как мировая пандемия коронавируса, всемирный локдаун, национальные карантинные повлияли на рынок труда теневых услуг. Настоящая публикация должна устранить пробел в этой отрасли знания и ответить на вопрос как мировая пандемия повлияла на теневой рынок услуг в Российской Федерации в 2020–2021 гг.

Теоретический фундамент исследования

Когда говорят о специфике функционирования «неформальной», или «теневой», экономики в Российской Федерации, то на память приходит знаменитое высказывание 2013 г. О. Голодец, вице-премьера российского правительства, о том, что прочти одна треть трудоспособного населения «непонятно где заняты, чем заняты, как заняты». Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) показывают, что в теневом секторе российской экономики занято примерно 20 млн человек.

В начале исследования этой проблематики в 70–80-е гг. XX в. было распространено представление, что теневой характер рынка, неформальность является признак экономической отсталости, технологической и технической переходности, и что экономическое развитие будет вести к постепенному ее исчезновению [15]. Но скоро стало очевидно, что это очень ограниченный и наивный взгляд на происходящее. Достаточно часто именно современный экономический рост, как отражает анализ вторичной информации, порождает стимулы к распространению неформальности и появлению новых, прежде никогда не встречавшихся форм производства и трудовой занятости [1; 2; 4; 6; 8; 10; 12].

Очень показательна в этом отношении исследование американского социолога А. Портеса, который сформулировал парадоксы теневого рынка труда. Он отметил, что теневой услуги очень мобильны, удобны для большинства клиентов. Первый парадокс этого рынка заключается в том, что чем ближе она к модели подлинного рынка, тем больше эффективность ее функционирования зависит от социальных связей. Второй парадокс заключается в том, что больше государство пытается регулировать этот сектор, тем сильнее и глубже развивается теневой рынок услуг [12].

Причины развития теневого сектора следует искать, в первую очередь, в институциональных факторах. Они по-разному воздействуют на издержки и выгоды, которые связаны с формализацией и деформализацией трудоустройства и занятости, на мотивы, которые лежат в основе трансформации в неформальность либо, напротив, к выходу из нее. Разрешая одни проблемы, институциональные факторы нередко формируют другие [5; 17]. К примеру, агрессивная политика минимальной зарплаты способствует переходу сотрудников с низкой производительностью труда из формального сектора в неформальный. Такая политика способствует

увеличению предложения труда в формальном секторе, но и также уменьшает спрос на труд в нем [13]. Не-высокое пособие по безработице, либо его полное отсутствие или затрудненный доступ к нему перенаправляют эти трудовые потоки в неформальный сектор [14].

Доклад Высшей школы экономики о состоянии рынка труда в России показывает, что ситуация неоднозначна [4]. До тех пор, пока повышение минимального размера оплаты труда было относительно низким и оказывало слабое влияние на соотношение между наименьшим и средним уровнями заработной платы на рынке труда в РФ, оно не оказывало влияния на динамику неформальной занятости. Но, начиная с середины 2000-х гг., когда не один раз повышался минимальный размер оплаты труда, положение дел изменилось. Любое новое повышение способствовало переходу значительного количества работников из формального сектора в неформальный [4; 20; 21]. Такая зависимость является новой тенденцией для российского рынка труда, и хотя каждый переход из формального сектора в неформальный не был чрезвычайно существенным, нельзя исключить, что в будущем, при сохранении этой же агрессивной политики, ее результаты будут уже менее безопасными. «Сценарий, в рамках которого основным драйвером разбухания неформального сектора будет являться непрерывная эскалация минимальной оплаты труда, является вполне правдоподобным» [4, с. 79]. Авторы настоящего исследования согласны с этой позицией авторов доклада ВШЭ от 2017 г., но видят причины роста неформального сектора трудовой занятости в социальных и социокультурных особенностях российских социально-экономических отношений, а именно в кризисе доверия граждан РФ своему государству и государственным институтам; в процессах арханизации в российской социуме, когда возрождаются, казалось бы окончательно отжившие формы социально-трудовых и социально-профессиональных практик; в специфике модернизации в России; в специфической профессиональной солидарности малых профессиональных сообществ, общинного характера; в отсутствии социальной справедливости; в проводимой Правительством РФ налоговой политике; в росте правового нигилизма; в тенденциях роста анонимности в российском социуме; в лояльности граждан России к теневым доходам; в этнических традициях теневого экономического предпринимательства цыган, татар, выходцев из Северного Кавказа [1; 2; 6; 7].

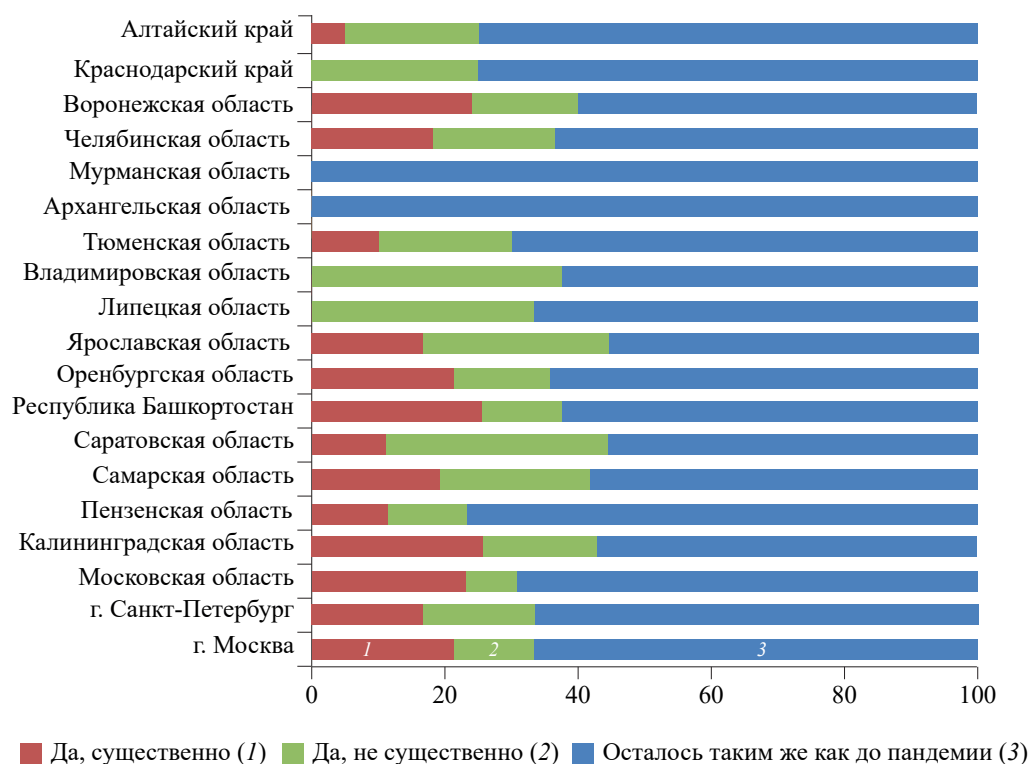
Методы сбора и анализа информации

Исследование проводилось с ноября 2020 г. по июнь 2021 г. География охвата: Приволжский федеральный округ, Центральный федеральный округ, Северно-Западный федеральный округ, города: Пенза, Саратов, Саранск, Москва, Белгород, Санкт Петербург, Калининград. Методы исследования охватывали, в первую очередь, качественные методы: неформализованные глубинные интервью ($n=19$, возраст 26–56 лет), формализованные ($n = 12$, возраст 35–54 года), глубинные интервью ($n=23$, возраст 50–85 лет), фокус группы ($n = 6$, возраст 27–45 лет) с непосредственными и косвенными участниками теневого рынка услуг, ретроспективные и интроспективные интервью, наблюдение, включенное наблюдение. Массовый опрос 1 610 субъектов рынка теневого сектора услуг и 1 889 потребителей этого сектора. Кроме того, проводился контент-анализ традиционных, печатных и современных электронных средств массовой информации, социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники»), открытых и закрытых телеграмм-каналов. Эмпирическая часть исследования основана на данных углубленного неформализованного интервью с субъектами теневого рынка услуг, с потребителями услуг этого рынка.

Социально-экономический, социокультурный анализ практик теневого рынка услуг РФ во время пандемии COVID-19

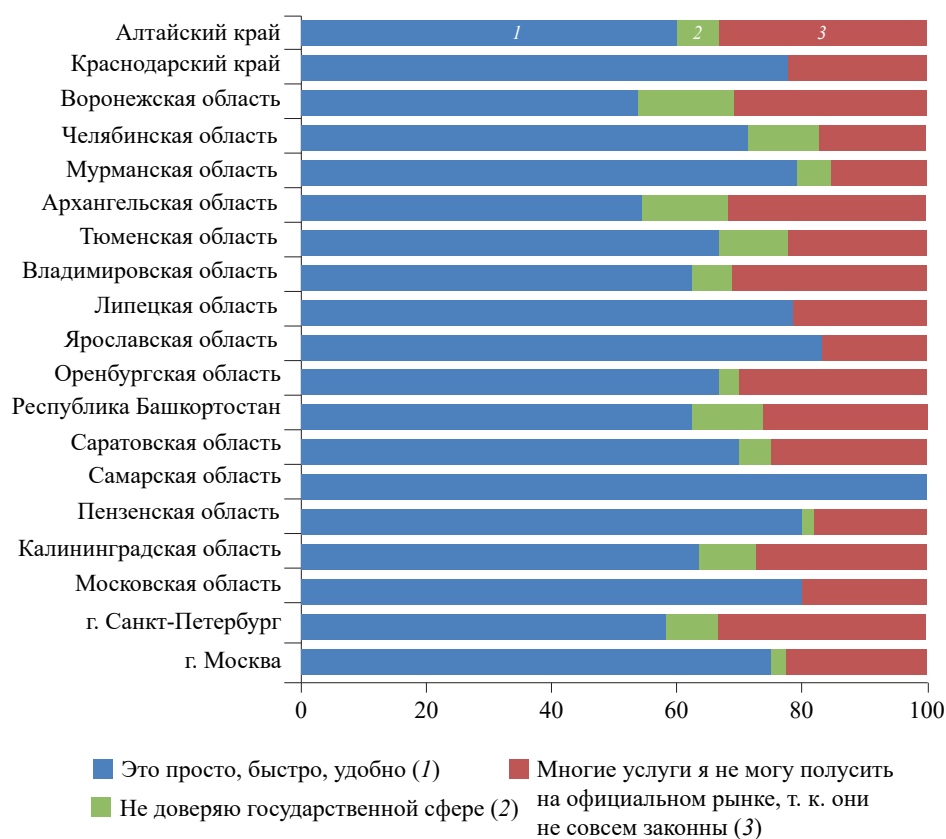
Распределение респондентов по частоте обращений к услугам на неформальном рынке труда за время пандемии представлено в таблице 1. Существенных различий по регионам не наблюдается. Большинство респондентов отметили, что уровень обращений за теновыми услугами остался тем же. Однако стоит обратить внимание на два региона: Калининградскую область и Республику Башкортостан, где около трети респондентов отметили увеличение частоты обращений за услугами, предоставляемыми на неформальном рынке (25,7 % и 25,6 % соответственно) (рис. 1).

Распределение респондентов по причинам обращений к услугам теневого неформального рынка представлено в таблице 2. Существенных различий по регионам не наблюдается. Большинство респондентов отметили, что прибегают к данным услугам по причинам их простоты, быстроты и удобства. На втором месте – недоступность многих услуг на официальном рынке, а на третьем – недоверие к государственной сфере услуг (рис. 2).

Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Увеличилось ли Ваше обращение за теневыми услугами неформального рынка за время пандемии?»

Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Почему вы прибегали к услугам теневого неформального рынка?»

Далее представлены данные массового опроса теневого самозанятых на рынке услуг. При ответе на вопрос: «Произошли ли существенные изменения в вашей трудовой занятости за время пандемии?», существенных различий между регионами не наблюдается. Большинство респондентов отмечают, что за время пандемии произошли небольшие изменения в их трудовой деятельности (табл. 1). Но из дальнейшего анализа становится понятно, что «небольшие изменения» касались форм занятости, перехода на цифровые платформы поиска клиентов, несерьезных изменений в организации труда, так почти все опрошенные не отметили серьезного снижения дохода за время пандемии, большинство самозанятых не сменили сферы занятости, и кроме того, большинство респондентов отмечают, что не изменился уровень конкуренции в отрасли.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Произошли ли существенные изменения в вашей трудовой занятости за время пандемии?», % по строке

Наименование региона	Да, существенные	Да, небольшие	Нет, не произошли	Отказ от ответа
г. Москва	16,7	66,7	16,7	-
г. Санкт-Петербург	20,0	40,0	20,0	20,0
Московская область	9,1	45,5	27,3	18,2
Калининградская область	13,3	46,7	20,0	20,0
Пензенская область	22,2	55,6	22,2	-
Самарская область	14,3	35,7	14,3	35,7
Саратовская область	8,3	50,0	25,0	16,7
Республика Башкортостан	16,7	66,7	16,7	-
Оренбургская область	12,5	62,5	25,0	-
Ярославская область	20,0	50,0	20,0	10,0
Липецкая область	20,0	60,0	20,0	-
Владимирская область	7,7	53,8	15,4	23,1
Тюменская область	-	88,9	11,1	-
Архангельская область	12,5	50,0	25,0	12,5
Мурманская область	12,5	50,0	37,5	-
Челябинская область	-	81,8	9,1	9,1
Воронежская область	30,0	50,0	20,0	-
Краснодарский край	28,6	57,1	14,3	-
Алтайский край	16,7	66,7	16,7	-

Составлено авторами по результатам исследования

При ответе на вопрос: «Изменились ли ваши доходы за время пандемии?», существенных различий между регионами не наблюдается. Большинство респондентов отмечают, что за время пандемии их доходы снизились. Однако значительна доля респондентов, чьи доходы увеличились или не изменились (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Изменились ли ваши доходы за время пандемии?», % по строке

Наименование региона	Да, увеличились	Нет, не увеличились, остались такими же как до пандемии	Снизилась	Отказ от ответа
г. Москва	16,7	33,3	50,0	-
г. Санкт-Петербург	20,0	20,0	60,0	-

Наименование региона	Да, увеличились	Нет, не увеличились, остались такими же как до пандемии	Снизились	Отказ от ответа
Московская область	18,2	27,3	54,5	-
Калининградская область	13,3	26,7	40,0	20,0
Пензенская область	11,1	33,3	55,6	-
Самарская область	14,3	21,4	50,0	14,3
Саратовская область	8,3	25,0	50,0	16,7
Республика Башкортостан	16,7	33,3	50,0	-
Оренбургская область	12,5	25,0	62,5	-
Ярославская область	30,0	30,0	40,0	-
Липецкая область	-	40,0	60,0	-
Владимирская область	15,4	23,1	38,5	23,1
Тюменская область	11,1	22,2	66,7	-
Архангельская область	14,3	28,6	57,1	-
Мурманская область	12,5	37,5	50,0	-
Челябинская область	18,2	27,3	54,5	-
Воронежская область	20,0	20,0	60,0	-
Краснодарский край	14,3	28,6	57,1	-
Алтайский край	16,7	33,3	50,0	-

Составлено авторами по результатам исследования

При ответе на вопрос: «Изменили ли вы сферу занятости?», существенных различий между регионами не наблюдается. Абсолютное большинство респондентов отмечают, что не изменили свою сферу деятельности. Однако небольшая доля респондентов либо изменили сферу деятельности, либо стали работать в нескольких сферах одновременно (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Изменили ли вы сферу занятости?», %

Наименование региона	Да	Нет	Стал (-а) работать в нескольких сферах	Отказ от ответа
г. Москва	-	66,7	33,3	-
г. Санкт-Петербург	-	100,0	-	-
Московская область	9,1	81,8	9,1	-
Калининградская область	6,7	66,7	6,7	20,0
Пензенская область	-	88,9	11,1	-
Самарская область	-	78,6	7,1	14,3
Саратовская область	8,3	75,0	-	16,7
Республика Башкортостан	-	100,0	-	-
Оренбургская область	-	87,5	12,5	-
Ярославская область	10,0	70,0	20,0	-
Липецкая область	-	100,0	-	-
Владимирская область	-	76,9	-	23,1
Тюменская область	11,1	88,9	-	-

Окончание табл. 3

Наименование региона	Да	Нет	Стал (-а) работать в нескольких сферах	Отказ от ответа
Архангельская область	14,3	57,1	28,6	-
Мурманская область	-	100,0	-	-
Челябинская область	-	100,0	-	-
Воронежская область	-	100,0	-	-
Краснодарский край	-	85,7	14,3	-
Алтайский край	-	66,7	33,3	-

Составлено авторами по результатам исследования

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что существенных различий между регионами при ответе респондентов на вопрос: «Стали ли вы применять новые цифровые технологии в вашей работе?», не наблюдается. Большинство респондентов во время пандемии стали работать онлайн.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Стали ли вы применять новые цифровые технологии в вашей работе?», %

Наименование региона	Да, в области поиска клиентов	Работал (-а) онлайн	Да, в области получения оплаты за работу	Нет, не применял (-а)
г. Москва	16,7	66,7	-	16,7
г. Санкт-Петербург	-	80,0	-	20,0
Московская область	27,3	45,5	9,1	18,2
Калининградская область	6,7	40,0	33,3	20,0
Пензенская область	-	77,8	-	22,2
Самарская область	21,4	35,7	28,6	14,3
Саратовская область	25,0	50,0	16,7	8,3
Республика Башкортостан	-	83,3	-	16,7
Оренбургская область	12,5	75,0	-	12,5
Ярославская область	-	70,0	20,0	10,0
Липецкая область	-	80,0	-	20,0
Владимирская область	-	69,2	23,1	7,7
Тюменская область	11,1	77,8	-	11,1
Архангельская область	-	85,7	-	14,3
Мурманская область	-	87,5	-	12,5
Челябинская область	9,1	81,8	9,1	-
Воронежская область	10,0	70,0	10,0	10,0
Краснодарский край	-	85,7	-	14,3
Алтайский край	16,7	66,7	-	16,7

Составлено авторами по результатам исследования

При ответе на вопрос: «Изменился ли уровень конкуренции в вашей сфере?», существенных различий между регионами не наблюдается. Большинство респондентов считают, что уровень конкуренции в их сфере занятости не изменился. Однако велика доля тех, кто отмечает, что уровень конкуренции стал выше (табл. 5).

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Изменился ли уровень конкуренции в вашей сфере?», %**

Наименование региона	Стал выше	Остался таким же	Стал ниже	Затрудняюсь ответить
г. Москва	16,7	50,0	16,7	16,7
г. Санкт-Петербург	20,0	40,0	20,0	20,0
Московская область	18,2	63,6	9,1	9,1
Калининградская область	13,3	60,0	6,7	20,0
Пензенская область	11,1	66,7	11,1	11,1
Самарская область	21,4	57,1	7,1	14,3
Саратовская область	16,7	66,7	8,3	8,3
Республика Башкортостан	16,7	50,0	16,7	16,7
Оренбургская область	25,0	50,0	12,5	12,5
Ярославская область	30,0	40,0	20,0	10,0
Липецкая область	20,0	40,0	20,0	20,0
Владимирская область	23,1	53,8	7,7	15,4
Тюменская область	22,2	55,6	11,1	11,1
Архангельская область	14,3	57,1	14,3	14,3
Мурманская область	25,0	50,0	12,5	12,5
Челябинская область	27,3	54,5	9,1	9,1
Воронежская область	20,0	60,0	10,0	10,0
Краснодарский край	28,6	42,9	14,3	14,3
Алтайский край	16,7	50,0	16,7	16,7

Составлено авторами по результатам исследования

Качественные авторские исследования (глубинные интервью, наблюдения, включенные наблюдения) показали, что в случае закрытия официальных секторов и предприятий, вектор занятости усиливается на теневых рынках услуг. Это произошло в секторе банного хозяйства, когда после закрытия городских муниципальных бань в марте – июле 2020 г. поток клиентов перешел в частные бани средних и крупных городов, это случилось в сфере оказания услуг по фитнесу и физической культуре и в сфере красоты. Во всех исследуемых регионах появились в социальных сетях, закрытых телеграм-каналах сетевые спортивные сообщества, закрытые парикмахерские, салоны красоты.

Заключение

Таким образом, авторское исследование, проведенное в 19 регионах Российской Федерации, не подтверждает общепринятую в федеральных печатных и цифровых средствах массовой информации точку зрения о катастрофическом падении уровня жизни самозанятого населения в нашей стране, о гибели целых отраслей российской экономики. Авторский анализ 19 различных регионов России от крупных развитых мегаполисов не выявил ни существенного снижения уровня дохода теневого самозанятого, ни существенного изменения уровня конкуренции, не отметил масштабной смены занятости в этом секторе. На основании этого можно сделать следующие выводы.

1. В силу высокой социальной мобильности и социальной активности самозанятых теневой сектор экономики более адаптивен к переменам и кризисам, чем официальные сектора экономики.
2. Высокая адаптивность этого сектора экономики к кризисам и экономическим потрясениям объясняется высоким уровнем доверия и социальных связей между всеми участниками этого рынка от производителей до потребителей.
3. Высокая адаптивность этого рынка объясняется так же быстрой реакцией на потребности клиентов.

Библиографический список

1. Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. – Т. 17, № 1. – С. 3–40.
2. Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И. Жить в тени или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 65–88.
3. Гэлбрайт, Дж. К. Экономические теории и цели общества / Под общ. ред. и с предисл. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1976. – 408 с.
4. Закалюжная, Н. В. Заемный труд и дистанционная занятость как основные формы нетипичных трудовых отношений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2015. – № 4. – С. 97–104.
5. Клеман, К. «Флексибельность по-российски»: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // Социологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 74–96.
6. Клямкин, И. М., Тимофеев, Л. М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. – М.: Российский Государственный гуманитарный университет, 2000. – 595 с.
7. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. – М.: Наука, 2018. – 350 с.
8. Юрасов, И. А., Танина, М. А., Юдина, В. А., Кузнецова, Е. В. Анализ трудовых и досуговых практик теневых самозанятых на рынке физического труда в России // Вестник университета. – 2021. – №1. – С. 172–180.
9. Голдторп, Дж. Социальный класс и дифференциация контрактов занятости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sociology/kharkov.ua/socio/docs/problem> (дата обращения: 09.06.2021).
10. Капелюшников, Р. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? / Препринт ВШЭ, WP3/2012/04 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iq/hse/ru/news/177671307.html> (дата обращения: 09.06.2021).
11. Нилов, А. Цеховики. Рождение подпольной экономики. Записки подпольного миллионера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/79537> (дата обращения: 04.06.2021).
12. Портес, А. Неформальная экономика и ее парадоксы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/166/131/1231/Portes_rus4_red.pdf (дата обращения: 09.06.2021).
13. Тесля, А. Государство, которое производит тревогу // Эксперт.ру [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2020/01/gosudarstvo-kotoroe-proizvodit-trevogu/> (дата обращения: 03.06.2021).
14. Bashlakova, V., Bashlakov, H. The study of the shadow economy in modern conditions: Theory, methodology, practice // The Quarterly Review of Economics and Finance. – 2020. – No. 81 (1). <https://doi.org/10.1016/j.qref.2020.10.032>
15. Bourdieu, P. Le precariat est aujourd'hui partout (Прекариат сегодня повсюду). – Paris: Contre-feux, 1998. – No. 1. – Pp. 96–102.
16. Davidescu, A. Revisiting the relationship between unemployment rates and shadow economy. A Toda-Yamamoto approach for the case of Romania // Procedia Economics and Finance. – 2014. – No. 10. – Pp. 227–236 [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00297-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00297-4)
17. Dörre, K. Entsteht eine neue Unterschicht? Anmerkungen zur Rückkehr der sozialen Frage in die Politik (Возникает ли новый низший слой? Комментарии о возвращении социального вопроса в политику) // Working Papers: Economic Sociology. – Germany: Jena. – 2007. – No. 1. – Pp. 45–60.
18. Gudko, A. Russia emerges into the shadows // Infosecurity Today. – 2006. – V. 3, No. 4. – Pp. 20–23 [https://doi.org/10.1016/S1742-6847\(06\)70431-1](https://doi.org/10.1016/S1742-6847(06)70431-1)
19. Kiselkina, O., Salyahov, E., Fakhrutdinov, R., Kamasheva, A. Assessment of influence of the labor shadow sector on the economic growth of the Russian economy with the using methods of statistical modeling // Procedia Economics and Finance. – 2015. – No. 23. – Pp. 180–184 [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00525-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00525-0)

References

1. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Is it normal to be informal? *Higher School of Economics Economic Journal*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 3–43. (In Russian).
2. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. To live in the shadows or to die in the light: informality in the Russian labor market, *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 11, pp. 65–88. (In Russian).
3. Galbright J. K. *Economic theories and goals of society*, Under the general edition and with a preface by N. N. Inozemtsev, A. G. Mileikovskii. Moscow, Progress, 1976, 408 p. (In Russian).
4. Zakalyuzhnaya N. Agency labor and remote employment as the main forms of non-standard employment relationships. *Moscow University Law Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 97–104. (In Russian).

5. Kleman K. Russian style of flexibility: essay of new forms of labour and subordination in the human services, *Sociological Journal*, 2007, no. 4, pp. 74–96. (In Russian)
6. Klyamkin I. M., Timofeev L. *Shadow Russia: economic and sociological research*. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2000, 595 p. (In Russian).
7. Toshchenko Zh. T. *Precariat: from a proto-class to a new class*, *Monograph*. Moscow, Nauka, 2018, 350 p. (In Russian).
8. Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. Analysis of labor and leisure practices of shadow self-employed on the physical labor market in Russia, *Vestnik universiteta*, 2021, no. 1, pp. 172–180. (In Russian)
9. Goldtorp J. *Social class and differentiation of employment contracts*. Available at: <http://www.sociology/kharkov.ua/socio/docs/problem> (accessed: 09.06.2021). (In Russian).
10. Kapelyushnikov R. Informal employment in Russia: what do the alternative definitions say?, *Higher School of Economics Working Papers*, WP3/2012/04. Available at: <https://iq/hse.ru/news/177671307.html> (accessed 09.06.2021). (In Russian).
11. Nilov A. *Shopkeepers. The birth of the underground economy. Notes of an underground millionaire*. Available at: <https://public.wikireading.ru/79537> (accessed 04.06.2021). (In Russian).
12. Portes A. *Informal economy and its paradoxes*. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/166/131/1231/Portes_rus4_red.pdf (accessed 09.06.2021). (In Russian).
13. Teslya A. The state that produces anxiety, *Expert.ru*. Available at: <https://expert.ru/expert/2020/01/gosudarstvo-kotoroe-proizvodit-trevogu/> (accessed 03.06.2021). (In Russian).
14. Bashlakova V., Bashlakov H. The study of the shadow economy in modern conditions: Theory, methodology, practice, *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2020, no. 81 (1). <https://doi.org/10.1016/j.qref.2020.10.032>
15. Bourdieu P. *Precarite is today everywhere (Le precariate est aujourd'hui partout)*, Paris, Contre-feux, 1998, no. 1, pp. 96–102. (In French).
16. Davidescu A. Revisiting the relationship between unemployment rates and shadow economy. A Toda-Yamamoto approach for the case of Romania, *Procedia Economics and Finance*, 2014, vol. 10, pp. 227–236. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00297-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00297-4)
17. Dörre K. Is a new underclass emerging? Comments on the return of the social question to politics (Entsteht eine neue Unterschicht? Anmerkungen zur Rückkehr der sozialen Frage in die Politik), *Working Papers: Economic Sociology*, Germany, Jena, 2007, no. 1, pp. 45–60. (In German).
18. Gudko A. Russia emerges into the shadows, *Infosecurity Today*, 2006, vol. 3, no. 4, pp. 20–23. [https://doi.org/10.1016/S1742-6847\(06\)70431-1](https://doi.org/10.1016/S1742-6847(06)70431-1)
19. Kiselkina O., Salyahov E., Fakhrutdinov R. Kamasheva A. Assessment of influence of the labor shadow sector on the economic growth of the Russian economy with the using methods of statistical modeling, *Procedia Economics and Finance*, 2015, no. 23, pp. 180–184 [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00525-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00525-0)